

В.В. МАРЬИНА

ЗАКАРПАТЬЕ КАК ОБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ. 1938–1943 годы

История Закарпатья и его населения является предметом споров, ведущихся с XIX в. и по сей день среди исследователей разных стран. Этот край в разные времена входил в состав Венгрии, Австро-Венгрии, Чехословакии (Чехо-Словакии), СССР (УССР). В настоящее время он под названием Закарпатская область входит в состав Украинской Республики. Отражением сложной истории Закарпатья¹, а также политической ориентации тех или иных политических движений и деятелей, пытавшихся оказать влияние на судьбу этой области и ее государственно-правовой статус, являются и различные наименования этой территории, которые встречаются в официальных и неофициальных документах периода Второй мировой войны, в научной литературе и публицистике: Карпатская Русь, Подкарпатская Русь, Прикарпатская Русь, Угорская Русь, Карпатская Воеводина, Карпатская Украина, Подкарпатская Украина, Закарпатская Украина, Подкарпатье и пр. В статье используется преимущественно собирательный термин Закарпатье, но также и другие употребляемые в тех или иных обстоятельствах названия этой области.

До конца Первой мировой войны Закарпатье входило в состав Венгрии (Австро-Венгрии) под названием Угорская Русь. Население этой бедной области, расположенной на западных и южных склонах Карпат, занималось преимущественно сельским хозяйством и лесным промыслом. Среди немногочисленных представителей ее интеллигенции в конце Первой мировой войны не было единства в представлениях о будущем Закарпатья. Существовали проекты его вхождения на правах автономии в Венгерскую республику, провозглашенную в ноябре 1918 г., а также включения в состав либо единой Украины, либо России, либо возникшей в октябре 1918 г. Чехословацкой Республики. Были и сторонники создания самостоятельного государства². 8 мая 1919 г. в Ужгороде с согласия и при поддержке чехословацких властей состоялось заседание трех подкарпатских “русских народных рад” (Хустской, Ужгородской и Прешовской), которое высказалось за присоединение Подкарпатской Руси (ПР) к Чехословацкой Республике (ЧСР). Предполагалось, что эта область станет полностью самоуправляемой единицей в составе федерации под названием Чешско-словацко-русская Республика. С конца 1918 и в 1919 г. идея присоединения Закарпатья к ЧСР, одобренная президентом США В. Вильсоном, активно поддерживалась чехословацкими политиками, прежде всего первым президентом страны Т.Г. Масариком и министром иностранных дел Э. Бенешем. Судьба края была решена на Парижской мирной конференции, подгото-

Марьина Валентина Владимировна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник-консультант Института славяноведения РАН.

¹ См. подробнее: *Марьина В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003; *Пушкаш А.И.* Цивилизация или варварство: Закарпатье. 1918–1945. М., 2006; *Шевченко К.В.* Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М., 2006.

² *Materiály z konferencie “Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1939”.* – Česko-Slovenská historická ročenka 1997. Brno, 1997, s. 42.

вившей мирные договоры с побежденными странами. По Сен-Жерменскому мирному договору с Австрией от 10 сентября 1919 г. ПР была включена в состав Чехословакии. Согласно Трианонскому мирному договору (4 июня 1920 г.) Венгрия признала за ЧСР территорию Словакии и ПР. Центральная русская народная рада, созданная на упомянутом заседании в Ужгороде, была недовольна границами между Словакией и ПР. Рада стремилась отодвинуть эти границы как можно дальше на Запад, поскольку значительная часть населения Восточной Словакии этнически была связана с жителями ПР и считала себя либо русинами, либо украинцами, либо русскими.

Присоединенная к Чехословакии Подкарпатская Русь в соответствии с мирными договорами должна была получить автономию с широким самоуправлением и своим сеймом. Автономия края была подтверждена и чехословацкой Конституцией 1920 г. Однако фактически этого не произошло. До осени 1938 г. в ПР существовало губернаторское управление. Губернатора назначал президент ЧСР. Территория Подкарпатской Руси составляла 12 617 кв. км, на ней проживало по данным на 1930 г. 709 129 человек. Из них 446 916 (63%) относили себя к русинской, украинской и русской национальностям, 109 472 (15,4%) – к венграм, 91 255 (12,8%) – к евреям, 33 961 (4,8%) – к чехам и словакам, 13 746 (1,9%) – к немцам, 12 691 (1,8%) – к румынам³. В справках о Закарпатской Украине, составленных Отделом международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б) в 1944–1945 гг., приводятся такие цифры: из примерно 750 тыс. жителей ПР около полумиллиона было “карпатских украинцев (русин)”, по 100 тыс. венгров и евреев, а также 50 тыс. чехов, немцев и румын⁴. Столь же гетерогенным был и профессиональный состав населения ПР: 50,2% составляли униаты (греко-католики), 15,4% – православные, 14,1% – иудеи, 10,1% – сторонники реформаторской церкви, 9,4% – приверженцы римско-католического вероисповедания и пр.⁵

С самого начала и до конца фактического пребывания ПР в составе ЧСР (1919–1939 гг.) между подкарпаторусинской политической элитой и центральной властью существовали напряженные отношения. Среди множества политических движений и партий, возникших в ПР, шла непрерывная борьба за влияние в этой части страны. Особо соперничали между собой партии и организации, представлявшие украинское и русское (русинское) направления. Следует заметить, что понятия “русин”, “русинский” тогда не были точно определены и толковались произвольно⁶. Пражское правительство в зависимости от ситуации в межвоенное 20-летие поддерживало то первое, то второе направления, ориентируясь преимущественно на украинофилов. Большое влияние среди бедного населения ПР имели коммунисты, которые получили на парламентских выборах 1935 г. 26,5% голосов избирателей и солидарно с другими политическими направлениями выступали за автономию ПР в составе ЧСР. Краевая организация Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) поддерживала тесные связи с компартией Украины (КП(б)У) и в соответствии с установками Коминтерна считала жителей Подкарпатья, как и Восточной Словакии, украинцами. Сначала коммунисты связывали решение украинского вопроса с пролетарской революцией и Советским Союзом, но во второй половине 1930-х годов встали на позиции защиты ЧСР. “Украинофилы”-националисты, делавшие ставку на поражение большевиков и распад

³ Ibid., s. 84.

⁴ Справки о Закарпатской Украине. – Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 17, оп. 128, д. 707, л. 70; д. 764, л. 38.

⁵ Materiály..., s. 84.

⁶ Сейчас под термином “русины” понимается самостоятельная ветвь восточнославянских народов, представленных также русскими, украинцами и белорусами. В последние десятилетия активизировалось мировое русинское движение, регулярно проводящее Всемирные конгрессы русинов и выступающее против украинизации Закарпатской области Украины. Многочисленная русинская диаспора в США и Канаде насчитывает 650 тыс. человек. По данным К.В. Шевченко, в настоящее время общая численность русинов в мире составляет около 1,5 млн человек. – *Шевченко К.В.* Указ. соч., с. 35.

СССР, все чаще обращали свой взор к нацистской Германии, где в 1929 г. была создана и вела активную деятельность Организация украинских националистов (ОУН), которая имела филиалы в различных странах и стремилась укрепить свое влияние среди населения Закарпатья⁷.

Чехо-Словакия, так стала именоваться страна после того, как Словакия и Подкарпатская Русь получили в октябре 1938 г. автономию, по существу оказалась разделенной на три части. Каждая из них пыталась проводить внутреннюю и внешнюю политику по своему усмотрению, не учитывая наличие единого, хотя к тому времени и чрезвычайно ослабленного, государства. 8 октября 1938 г. в Ужгороде было образовано первое “карпато-русское” правительство во главе с А. Броди, строившим планы включения ПР на правах автономии в состав Венгрии. Ни Прага, ни Берлин не поддержали этот проект. Правительство Броди через две недели было смещено новым кабинетом во главе с прогермански настроенным украинophileм священником-униатом А. Волошиным, резиденцией которого стал г. Хуст. Новый премьер вынашивал идею самостоятельного украинского государства под названием Карпатская Украина. Это наименование было введено распоряжением правительства Волошина от 30 декабря 1938 г.⁸ При новом правительстве все существовавшие в Подкарпатье партии были объединены в Украинский национальный союз. Официальным языком автономии стал украинский. Деятельность КПЧ в ПР, как и на всей территории Чехо-Словакии, была запрещена. Ряд видных деятелей коммунистического и профсоюзного движения ПР (О. Борканюк, С. Вайс, И. Туряница, Г. Фейер, И. Ваш, И. Ледней, П. Варга и др.) нашли политическое убежище в Советском Союзе⁹.

Волошин и его сторонники строили грандиозные планы превращения Подкарпатской Руси в своего рода “украинский Пьемонт”¹⁰, согласно которым она должна была стать центром объединения украинцев из Польши, Румынии и Советского Союза. Создание “Великой Украины” мыслилось при поддержке и под протекторатом нацистской Германии. Гитлер не возражал против такого проекта. Берлин поддержал и переименование Подкарпатской Руси в Карпатскую Украину¹¹. Поползли слухи о возможном присоединении к ней всех украинских земель. Однако ни Польша, ни Венгрия, ни Румыния идею создания “Великой Украины” не поддерживали. Польша, имевшая значительный украинский анклав (Восточная Галиция), опасалась в случае реализации этой идеи за целостность государства. Варшава предпочитала видеть ПР в составе Венгрии, чтобы установить таким образом с последней общую границу. Будапешт заявлял о своих претензиях на ПР, считая ее исконно венгерской территорией, и грозил аншлюсом. После Мюнхена Венгрия стала более решительной в осуществлении намерения включить в свой состав Словакию и Подкарпатскую Русь. Хотя у Германии были другие планы относительно так называемой второй Чехо-Словацкой Республики, Гитлер не мог не пойти на частичное удовлетворение претензий своего потенциального венгерского союзника, которому покровительствовала Италия. Согласно Первому венскому арбитражу Германии и Италии 2 ноября 1938 г. к Венгрии отошла наряду с южными районами Словакии часть равнинных и западных территорий Подкарпатья, включая все наиболее крупные его центры: Ужгород, Мукачево,

⁷ См. подробнее: *Materiály...*, s. 83–93; *Шевченко К.В.* Указ. соч., с. 222–224.

⁸ До этого оно употреблялось с середины 1920-х годов коммунистами и Коминтерном, а также украинскими националистами.

⁹ *Za národní osvobození, za novou republiku. 1938–1945.* Praha, 1982, s. 148; *Исторія міст і сіл УРСР. Закарпатська область.* Київ, 1969, с. 51.

¹⁰ Пьемонт – область на северо-западе Италии, центр национально-освободительного движения итальянского народа против иноземного господства, за объединение раздробленной Италии в XIX в.

¹¹ Год кризиса. 1938–1939 гг. Документы и материалы, т. 1. М., 1991, с. 265; Архив внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 082, оп. 22, п. 93, д. 7, л. 111.

Берегово. ПР потеряла 1586 кв. км со 181 609 населения, среди которого было 86 681 венгр, 36 735 – русин и украинцев, 25 883 – еврея, 17 247 – чехов и словаков, 4 908 – немцев и т.д.¹² Компромиссное решение спора никого не удовлетворило полностью¹³. Венгрия при поддержке Польши по-прежнему стремилась решить вопрос об оставшейся части ПР в свою пользу, но Германия пока не поддерживала этих планов¹⁴.

В конце 1938 – начале 1939 г. стали шириться слухи о планах Берлина в решении “украинского вопроса”¹⁵. В западной прессе утверждалось, что Германия проводит в отношении Украины такую же политику, как и в отношении Судетской области, что Гитлер, манипулируя правом народов на самоопределение, готов помочь украинским сепаратистам в Польше и СССР осуществить их намерения. Москва не могла не отреагировать на эти слухи. В отчетном докладе партии на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г. И.В. Сталин в связи с этим заявил: “Характерен шум, который подняла англо-французская и северо-американская пресса по поводу Советской Украины. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее, как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине... Конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т.е. Советскую Украину, к козявке, т.е. к так называемой Карпатской Украине”. Говорить об этом, согласно Сталину, “смешно и глупо”¹⁶. Очевидно, и в Германии на тот период было сочтено преждевременным реализовывать планы создания “Великой Украины” с использованием в этих целях территории ПР.

Ближайшей задачей Берлина стала окончательная ликвидация Чехо-Словакии, и в этом ему опять потребовалась поддержка со стороны Венгрии и Польши, которым были обещаны соответствующие компенсации. Венгрия, питавшая иллюзии относительно воссоздания страны в границах Венгерского королевства (“Короны св. Стефана”), надеялась включить в ее состав и Подкарпатье. 16 января 1939 г. Гитлер во время встречи с венгерским министром иностранных дел И. Чаки подчеркнул, что ликвидация Чехо-Словакии должна стать результатом общих усилий Германии, Венгрии и Польши, каждая из которых может рассчитывать в этом деле на получение “своей доли”¹⁷. Венгрия должна была получить ПР, а Польша – вожделенную границу с Венгрией, что по существу означало, по крайней мере на тот момент, отказ Германии от идеи создания “Великой Украины”. Будапешт такое решение устраивало, а с Варшавой Гитлеру договориться не удалось. Таким образом, в начале 1939 г. Германия уже не могла рассчитывать на немецко-польско-венгерское взаимодействие в деле ликвидации Чехо-Словакии, и на первое место выдвинулся план ее расчленения в ходе немецко-венгерского сотрудничества с использованием сепаратистских настроений в Словакии. Германия активизировала усилия по расчленению Чехо-Словакии. Гитлер решил дать согласие на оккупацию ПР Венгрией. 12 марта 1939 г. фюрер пригласил к себе венгерского посла Д. Стояи и настаивал, чтобы Венгрия немедленно перешла в наступление. Право решать вопрос о ПР было оставлено за Будапештом. “Действуйте, – советовал фюрер, – не уведомляя об этом другие правительства. Действуйте быстро, поскольку существуют и другие претенденты на Подкарпатскую Русь... Ограничьтесь Подкарпатской Русью и не нападайте на Словакию. Словацкий вопрос будет поставлен позднее. Момент для оккупации Подкарпатской Руси благоприятен”¹⁸. 14 марта 1939 г. правительство П. Телеки направило Праге ультиматум с требованием

¹² Materiály..., s. 156.

¹³ Lukeš F. Podivný mir. Praha, 1968, s. 133.

¹⁴ Год кризиса..., т. 1, с. 265.

¹⁵ Там же, с. 255.

¹⁶ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1947, с. 571–572.

¹⁷ Lukeš F. Op. cit., s. 216.

¹⁸ Ibid., s. 245.

в течение 24 часов освободить Подкарпатскую Русь от чехословацкой армии. В тот же день венгерские войска перешли границу в районе Мукачево, сломив сопротивление чехословацких частей. Правительство Волошина, провозгласившее ПР самостоятельным государством под названием Карпатская Украина и намеревавшееся просить Германию о протекторате над ней, однако, не получило поддержки Берлина. 15–18 марта 1939 г. венгерские войска с благословения фюрера оккупировали оставшуюся территорию ПР¹⁹. Венгры составляли здесь примерно пятую часть населения. Советский Союз выразил протест против расчленения Чехо-Словакии, в том числе и против оккупации ПР Венгрией. В ноте наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова германскому послу в Москве Ф. Шуленбургу 18 марта 1939 г., направленной в связи с этими событиями, в частности, говорилось: “Действия германского правительства послужили сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь и к нарушению элементарных прав ее населения”²⁰.

Ситуация изменилась после заключения между СССР и Германией 23 августа 1939 г. Договора о ненападении. На его основе 17 сентября 1939 г. части Красной Армии вступили в пределы Восточной Польши и заняли территории Западной Украины и Западной Белоруссии, которые были включены в состав УССР и БССР. Советский Союз оказался непосредственным соседом Венгрии (точнее, оккупированного ею Подкарпатья) и ближайшим соседом Словакии. Расстояние между советско-словацкими границами исчислялось несколькими десятками километров. В это время часть словацких правящих кругов, в том числе президент Й. Тисо и министр иностранных дел Ф. Дюрчанский, с благословения Берлина выступили с инициативой установления дипломатических отношений Словакии с СССР. При этом словаки преследовали и собственные цели: во-первых, создать в лице Советского Союза эффективный противовес монопольному влиянию Германии в формально самостоятельной Словацкой Республике, во-вторых, реализовать с помощью СССР идею возврата ей словацких территорий, отошедших к Венгрии в 1938–1939 гг. Решение этой второй задачи, по мысли словацких политиков, могло быть облегчено при условии, если СССР присоединит к себе Закарпатье и станет непосредственным соседом Словакии.

Прибывший в Братиславу 2 февраля 1940 г. советский полпред Г.М. Пушкин отмечал, что Словакия полнится слухами о том, что СССР готов “взять себе Карпатскую Украину”. Мысль о желательности такого развития событий постоянно внушалась советским дипломатам во время официальных и неофициальных встреч²¹. В отчете полпредства за 1940 г. Пушкин писал: “Группа Дюрчанского бесспорно боялась полного порабощения Словакии немцами. Именно поэтому она мечтала иметь общие границы между СССР и Словакией... Отсюда их заинтересованность в переходе Карпатской Украины к Советскому Союзу”²².

Но в это время СССР согласно секретному протоколу к советско-германскому договору о ненападении готовился к осуществлению своих акций в Прибалтике и Бессарабии, что требовало согласованности с Германией. При этом сверх договоренностей августа 1939 г. СССР претендовал еще и на Буковину как, по словам Молотова, последнюю недостающую часть “единой Украины”²³. В разговоре с послом Германии в СССР В. фон Шуленбургом 25 июня 1940 г. Молотов заявил: “Постановку вопроса о Буковине, где преобладающее население – украинцы, советское правительство считает правильной и своевременной, так как к настоящему времени вся Украина, за небольшими исключениями, уже объединена”. Но Советский Союз, подчеркнул

¹⁹ Materiály..., s. 162.

²⁰ Год кризиса..., т. 1, с. 290.

²¹ АВП РФ, ф. 01386, оп. 4, п. 2, д. 3, л. 37; ф. 029, оп. 5, п. 29, д. 42, л. 80.

²² Там же, ф. 029, оп. 5, п. 29, д. 42, л. 113.

²³ СССР – Германия. 1939–1941 гг. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июль 1941 г. [s.e.], 1983, с. 61.

нарком, “не ставил перед Венгрией вопроса о Прикарпатской²⁴ Руси, не считая его актуальным”²⁵. Германия, в конце концов, пошла на уступку СССР, согласившись на присоединение к нему Северной Буковины. В этих условиях советское руководство, конечно, не могло и думать о том, что предлагали тогда словаки: “взять Карпатскую Русь” и установить непосредственную границу со Словацким государством. Словаки были явно обескуражены позицией Москвы²⁶. Об этом, в частности, шел разговор Пушкина с Дюрчанским 16 июля 1940 г. Советский полпред записал в своем дневнике: «Дюрчанский спросил меня: “Когда же Вы возьмете Карпатскую Украину?”. Я ответил, что эта область настолько незначительна как по населению, так и по территории, что вряд ли следует говорить о ней так много, как говорят в Словакии. Дюрчанский согласился, но подчеркнул серьезное военно-стратегическое значение Карпатской Украины. Развивая эту мысль, он заметил, что Германия, Венгрия и особенно Италия учитывают это значение Карпатской Украины и поэтому не хотят отдавать ее нам. Я не поддержал этого разговора”²⁷. Позиция, выраженная Пушкиным, целиком соответствовала линии, изложенной Молотовым Шуленбургу в упомянутой выше беседе 25 июня, который сообщил о ее содержании и словацкому посланнику в Москве Ф. Тисо, сказав, что, по словам Молотова, “вопрос о Карпатской Украине не занимает СССР”²⁸. Тогда включение Закарпатя в состав СССР было нереальным из-за противодействия прежде всего Германии и ее союзников, и Москва вынуждена была считаться с этим. Вопрос о ПР словаками после этого больше не поднимался²⁹. Однако снова начала муссироваться идея присоединения Подкарпатской Руси к Словакии, о чем, в частности, говорил Пушкину словацкий военный министр Ф. Чатлош 10 октября 1940 г.³⁰ Однако Германия, занятая в ту пору другими, более важными для нее делами, связанными с утверждением ее позиций на Балканах, также пока не считала вопрос о “Карпатской Украине” актуальным и, заинтересованная в лояльном отношении Венгрии, предпочитала сохранить все, как есть.

Венгры были удовлетворены позицией “незаинтересованности” Советского Союза в этой территории. На заседании парламента Венгрии в июле 1940 г., по сообщению полномочного представителя СССР в этой стране Н.И. Шаронова, был “прочитан проект закона об “автономии” Закарпатской Украины”³¹. Законопроект именовался “О Подкарпатской Воеводине и ее самоуправлении”. Обозначенная территория края была меньше по сравнению с территорией современной Закарпатской области: в нее не были включены некоторые равнинные районы, населенные преимущественно венграми. В качестве столицы автономии был определен г. Ужгород (венгерское наименование – Унгвар)³². Предусматривались особые герб и флаг “Подкарпатской Воеводины” и введение русинского языка в качестве официального на всей территории автономии. Государственному собранию были поручены доработка закона и введение его в действие в течение двух лет, но после вступления Венгрии в войну на стороне Германии он так и не был реализован.

²⁴ Правильно – Подкарпатской, поскольку Венгрия не имела отношения к Прикарпатья, области, расположенной к северу и востоку от Карпат.

²⁵ Документы внешней политики, т. XXIII, кн. 1. М., 1995, с. 375.

²⁶ АВП РФ, ф. 1386, оп. 4, п. 2, д. 3, л. 138.

²⁷ Там же, л. 143.

²⁸ Там же, л. 177.

²⁹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Словакия в политике СССР и Германии. – Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999, с. 198–240.

³⁰ АВП РФ, ф. 01386, оп. 4, п. 2, д. 4, л. 138. См. подробнее: *Марьина В.В.* Карпатская Украина в контексте европейской политики 1939–1941 гг. – Науковий вісник Ужгородського університету, серія історія, вип. 27. Ужгород, 2011, с. 127–135.

³¹ Документы внешней политики, т. XXIII, кн. 1, с. 465–466.

³² После инкорпорации ПР в состав Венгрии современные названия городов и сел не употреблялись. Снова пошли в ход наименования периода существования Австро-Венгрии: Ужгород – Унгвар, Берегово – Берегсас, Мукачево – Мункач, Севлюш – Сёлёш, Чоп – Чап и т. д.

Между тем после оккупации ПР венгерскими войсками часть ее населения покинула родину и переселилась в восточную Словакию, пополнив и до того значительную там диаспору “карпато-русинов”, как они именовались в документах советского полпредства в Словакии. Генеральные консульства СССР в Праге и в Братиславе осенью 1939 и летом 1940 г. отмечали их массовые посещения представителями “карпато-русин”, которые желали знать, когда же Советский Союз “возьмет” ПР себе. Так, генеральный консул СССР в Праге Куликов, сообщая в Москву о положении в протекторате летом 1940 г., писал: “В генконсульство приходят люди с убеждением в том, что, вот, скоро и у нас все кончится, заживем новой счастливой жизнью в рамках Советского Союза. Эти настроения характерны не только для трудящихся протектората, но и граждан Словакии и особенно Прикарпатской Украины, находящейся теперь под пятой Венгрии. В последнее время участились индивидуальные и коллективные посещения в наше пражское генконсульство прикарпаторусов с прямой и настойчивой просьбой присоединить “этот последний большой кусок Украины к Советскому Союзу”. Волна выражения любви и симпатий к Советскому государству проявлялась в особенности в те моменты, когда происходило движение Красной Армии на наших западных границах. Так было осенью прошлого года и летом этого года. Утверждают, что прикарпатское население в Венгрии и словацкое в пограничных районах не только приготовило, но и вывешивало в знак приветствия красные советские флаги”³³. 4 ноября 1940 г., согласно сообщению Куликова в Москву, советское генконсульство в Праге посетила делегация пражского отделения Русского национального совета Карпатской Руси и передала манифест “О присоединении Карпатской Руси к России”, подписанный председателем И. Шлепицким, с просьбой направить этот документ “Совету министров СССР”. “Мы заявили, – писал Куликов, – что нам ничего не известно о такого рода присоединении, мы полагаем, что этого не будет, учитывая международную обстановку, противоречия, связанные с этим актом, и стремление СССР к миру”. 5 ноября 1940 г. Куликов снова сообщал в НКВД СССР: “В связи с вступлением Красной Армии и проведением в Польше великой освободительной задачи в генконсульство ежедневно поступают письма, ходят люди в одиночку, группами и делегациями с просьбой присоединить Карпатскую Русь к Советскому Союзу. По рассказам посетителей, это движение среди полумиллионного населения приняло всенародный характер. В народе распространяются слухи, что СССР присоединит этот участок земли южных Карпат в самое ближайшее время, которое определяется лишь одним-двумя месяцами. Это настроение, по-видимому, распространено настолько широко, что захватило не только бедную часть населения, рабочих, крестьян, интеллигенцию, но и более зажиточные слои”³⁴.

Советские дипломаты, вступая в контакт с посетителями по этим вопросам, естественно, придерживались официальной линии Москвы. Поэтому многие тысячи жителей, прежде всего Подкарпатской Руси и Восточной Словакии, предпочитали самостоятельное решение проблемы и нелегально переходили новую советско-венгерскую границу, рассчитывая получить на российской стороне понимание и поддержку. Однако здесь их ждало горькое разочарование: большинство именно за нелегальный переход границы попало в лагеря для интернированных НКВД. Об их судьбе будет сказано ниже. Москва, таким образом, временно сняла с повестки дня вопрос о ПР, по всей видимости, отодвинув его решение на более подходящее время.

Позиции СССР в отношении ПР пытался выяснить и посол Чехословакии в Москве З. Фирлингер³⁵. 19 сентября 1939 г., будучи на приеме у заведующего центрально-европейским отделом НКВД А.М. Александрова, З. Фирлингер выразил надежду на то, что Закарпатье будет занято частями Красной Армии и подчеркнул, что “это соот-

³³ АВП РФ, ф. 01386, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 41.

³⁴ Там же, ф. 0138, оп. 20, п. 130, д. 1, л. 152–153.

³⁵ Посольство продолжало функционировать до декабря 1939 г., когда было ликвидировано в связи с прибытием в СССР словацкого посланника Ф. Тисо.

ветствовало бы интересам будущей Чехо-Словакии, которая граничила бы с СССР”. По его словам, “чехо-словацкое правительство и раньше желало этого присоединения, но мешала польская территория”. В ответ Александров сослался на политику нейтралитета, которую советское правительство проводит, в частности и по отношению к Венгрии³⁶. Находившийся в эмиграции бывший президент ЧСР Э. Бенеш тоже пытался использовать “подкарпатскую карту”, выстраивая свою политическую линию в отношениях с СССР и Западом. В июле 1939 г. он вернулся из США в Европу и начал активно способствовать организации чехословацкого заграничного сопротивления и его органов с целью восстановления Чехословакии в домюнхенских границах. Пытаясь заручиться в этом поддержкой Москвы, Бенеш несколько раз встречался с советским послом в Лондоне И.М. Майским. Во время встреч, помимо прочего, говорилось и о дальнейшей судьбе Подкарпатской Руси. Однако в записях об этих беседах, сделанных Майским и Бенешем, имеются существенные различия, касающиеся позиции Бенеша в указанном вопросе. Вот как фиксирует Майский в своем дневнике позицию Бенеша в отношении будущего Подкарпатской Руси (“Рутении”³⁷), высказанную им во время беседы 22 сентября 1939 г.: “Она, по мнению Бенеша, непременно должна войти в состав УССР. Еще в бытность свою президентом Чехословакии Бенеш мысленно всегда считал “Рутению” будущей частью СССР”. Это – запись в дневнике, а на следующий день, 23 сентября 1939 г., Майский сообщил о беседе в Москву: “Бенеш заявил, что полностью понимает и одобряет наши действия в Польше, настойчиво просил урегулировать вопрос о Западной Украине таким образом, чтобы СССР имел общую границу со Словакией. При этом он подчеркнул, что не имеет возражений против советской власти в Чехословакии, если только она будет свободна от германского ига. В отношении Карпатской Украины Бенеш прямо говорил, что она должна войти в состав УССР и что он, еще в бытность свою президентом Чехословакии, рассматривал ее как будущую часть Советского Союза”³⁸.

В записи же Бенеша о беседе с Майским 22 сентября 1939 г. это место выглядит иначе. Говоря о наступлении Красной Армии в направлении Львова, Майский сказал: “Это означает, что сегодня, когда у нас есть такая возможность покончить раз и навсегда с вопросом [объединения] Украины, мы от этого не откажемся. Все эти области заберем мы. Поляки должны заплатить за все, что сделали”. На вопрос Бенеша о Подкарпатской Руси Майский “усмехнулся. Я (Бенеш. – *В.М.*) сказал, что эта земля наша, что мы имеем на это право... Для нас решение может быть только двояким: или она останется у нас, или, в случае, если они (т.е. СССР. – *В.М.*) будут нашими соседями и потребуют этого, мы против этого не возражали бы. Ни поляки, ни венгры, а они особенно, не должны ее иметь”³⁹. В записи Бенеша нет ничего, что касается его оценки вступления Красной Армии на территорию Польши. В дневнике же Майского значится, что Бенеш относится к этому “с полным одобрением. Он понимает и целиком сочувствует нашей политике. СССР иначе не мог поступить. Он просит только об одном: устроить так, чтобы СССР имел общую границу со Словакией. Это очень важно”. “Я не знаю, каково будет правительство в будущей свободной Чехословакии, – воскликнул Бенеш, – но это для меня и безразлично. Я не имею возражений против

³⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 20, д. 218, л. 36–37.

³⁷ *Ruthenia – Русь, средневековый латинский язык. – Словарь иностранных слов.* М., 1986, с. 439.

³⁸ *Документы внешней политики*, т. XXII, кн. 2. М., 1992, с. 122; АВП РФ, ф. 017а, оп. 1, п. 1, д. 6, л. 257–258. Именно этот документ был передан Молотовым Бенешу в Москве 24 марта 1945 г., когда обсуждался вопрос о будущем ПР, как напоминание о положительном отношении чехословацкого президента к вопросу о ее включении в состав СССР. – АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 51, д. 835, л. 9.

³⁹ *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939 – 1945. Dokumenty*, d. 1. Praha, 1998, s. 87.

советского правительства. Лишь бы Чехословакия была свободна и независима. Лишь бы она избавилась от германского ига”⁴⁰.

В октябре-ноябре 1939 г. в связи с присоединением к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии в мире ширились упорные слухи о том, что Советский Союз намерен присоединить к себе и ПР. В частности, этим было очень обеспокоено МИД Франции, о чем шла речь на заседании Чехословацкого национального совета 6 ноября 1939 г.: “На Кэ д’Орсэ (адрес французского МИД. – В.М.) паника, поскольку там получено сообщение, что Россия хочет в течение месяца оккупировать Подкарпатскую Русь, что об этом ведет переговоры с Германией... В связи с этим на Кэ д’Орсэ и в правительстве большие опасения, поскольку полагают, что Советский Союз спустится с Карпат в Дунайскую низменность и станет таким образом решающим фактором для давления не только на Чехословакию и Венгрию, но и на все Балканы”⁴¹. Англичан также беспокоила “русская агитация на Подкарпатской Руси”, и они послали туда агентов Интеллидженссервис (разведывательной службы Великобритании. – В.М.), чтобы там следить за ситуацией. Англичане, как и французы, полагали, что “Россия попытается оккупировать Подкарпатскую Русь”⁴².

Внимательно следил за развитием ситуации и Бенеш. 21 ноября 1939 г. состоялась его новая встреча с Майским, которому он жаловался на нежелание Англии и Франции поддержать его деятельность по восстановлению Чехословакии в домюнхенских границах. «Все эти неудачи с “демократиями”, – записал Майский в дневнике, – неизбежно отбрасывают Бенеша к СССР... Бенеш заявил, что не мыслит себе дальнейшего исторического существования Чехословакии без самой близкой, самой неразделимой связи с СССР. Он давал понять, что при известных условиях допускает федеративную связь между своей страной и Советским Союзом. Именно ввиду таких соображений Бенеш считает абсолютно необходимым установление общей границы между Чехословакией и СССР. Это может быть достигнуто двумя путями: включением Карпатской Украины либо в состав Чехословакии, либо в состав СССР. Бенешу безразлично, какая из этих двух альтернатив будет принята. Ему важна лишь общая граница между обоими государствами. Венгрия не имеет ни малейших прав владеть Карпатской Украиной»⁴³. Позиция Бенеша по вопросу о Закарпатье была аналогична той, которую он излагал Майскому, согласно чешской записи, 22 сентября 1939 г., но теперь она была зафиксирована советским послом более точно.

После ликвидации чехословацкого посольства в Москве Бенеш с Майским больше не встречался до июля 1941 г. В известных автору документах нет сведений о том, что Бенеш в эти полтора года где-либо говорил о возможности включения ПР в состав СССР, наоборот, везде подчеркивал, что эта область является составной частью Чехословакии и ее внутренним делом. Новым было то, что в одной из своих лекций в Оксфорде в марте 1940 г. Бенеш заявил: “Вопрос Подкарпатской Руси будет решен путем свободного голосования после войны”⁴⁴. Еще более четко эта мысль была выражена в Меморандуме Бенеша, озаглавленном “Чехословакия после войны” (март 1940 г.): “Проблему Подкарпатской Руси мы оставляем будущему, ожидая дальнейшего развития событий в Центральной Европе и полагая, что прежде всего сами русины должны выразить свою волю и свое мнение в этом вопросе”⁴⁵. Заметим, что, говоря о населении ПР, Бенеш оперировал термином “русины”. С его согласия несколько позднее воз-

⁴⁰ Документы внешней политики, т. XXII, кн. 2, с. 122.

⁴¹ Dokumenty československé zahraniční politiky. Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády. 1939–1940. Příloha. Zápis zasedání Československého národního výboru. 1939–1940. Praha, 1999, s. 83.

⁴² Ibid., s. 128.

⁴³ Документы внешней политики, т. XXII, кн. 2, с. 327.

⁴⁴ Dokumenty z historie československé politiky. 1939–1943. Sv. I. Vztahy mezinárodní diplomacie k politice československé emigrace na západě. Praha, 1966, s. 84.

⁴⁵ Češi a sudetoněmecká otázka. 1939–1945. Dokumenty. Praha, 1999, s. 46–47.

ника и “Канцелярия по проблемам Подкарпатской Руси”, делами которой руководил эмигрировавший в Лондон русин П. Цибере, генеральный секретарь функционировавшего в Праге “Центрального карпаторусского национального совета”.

Таким образом, если рассматривать 1939 – лето 1941 г. как этап советско-чехословацких отношений в постановке вопроса о будущем ПР, то можно сказать, что в его начале Бенеш сперва как непризнанный, а затем как признанный президент, глава чехословацкой эмиграции действовал по формуле: “Подкарпатская Русь – или Чехословакии, или России”. В конце же периода акцент делался им уже только на первой части этой формулы⁴⁶. Такая постановка вопроса вполне устраивала Запад, который по геополитическим соображениям не желал появления Советов за Карпатами. СССР же, исходя из международной ситуации, “дружбы” с Германией и учитывая уже сделанные им в 1939–1940 гг. территориальные приобретения (Западная Украина и Западная Белоруссия, Прибалтийские государства, Бессарабия и Северная Буковина), пока отказался от мысли о включении Подкарпатской Руси в свой состав, оставив решение этого вопроса до лучших времен.

Ситуация резко изменилась после нападения гитлеровской Германии на СССР и его вступления в войну. Уже 8 июля 1941 г. по инициативе Майского состоялась его беседа с Бенешем, на которой обсуждались вопросы советско-чехословацких отношений. Майский заявил, что “политической программой советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством”, что “советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам”, что советское правительство готово принять в Москве чехословацкого посланника и “оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России”⁴⁷. Хотя о будущих границах не говорилось, но Бенеш затронул вопрос о ПР. В его записи о беседе значится: “Я подчеркнул, что у нас с ней (Венгрией. – *В.М.*) свои счета, что пограничную линию, навязанную Германией и Италией, мы не признаем, что считаем Подкарпатскую Русь – а это определенно интересует и их (СССР. – *В.М.*) – своей. Мы – за правовой континуитет, а следовательно, и Подкарпатская Русь юридически принадлежит нам. Майский подтвердил мне, что понимает это так же. Я подчеркнул, что Подкарпатская Русь не может принадлежать ни Польше, ни Венгрии. Она – просто-напросто наша. У них (СССР. – *В.М.*), видимо, будет, что сказать об этом, но с ними мы договоримся. Он (Майский. – *В.М.*) полностью подтвердил мою точку зрения”⁴⁸. В записи этой беседы, сделанной со слов Бенеша начальником его канцелярии Я. Смутным, есть некоторые детали, уточняющие позицию президента. Подчеркнув принцип континуитета и безусловную принадлежность ПР Чехословакии, Бенеш сказал: “Но наша позиция не та, которую я формулирую для других. Подкарпатская Русь должна принадлежать либо нам, либо России. А о том, кому она будет принадлежать, мы договоримся лишь с русскими, никто другой в этом вопросе не имеет слова”. Далее Бенеш подчеркнул, что на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. союзники решили, что ПР не должна достаться России, и продолжал: “Они не хотели, чтобы русские появились в Центральной Европе. Тогда это получилось, поскольку русских на мирной конференции не было. На этот раз все будет иначе. Русские там будут, будут там, надеюсь, как победоносный народ, и поэтому об этих вещах будет говориться иначе”⁴⁹.

18 июля 1941 г. в Лондоне было подписано Соглашение о восстановлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Чехословакией, о взаимопомощи и поддержке в войне против гитлеровской Германии и об образовании чехословацких

⁴⁶ Československo-sovětské vztahy..., d. 1, s. 181–182.

⁴⁷ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960, с. 11.

⁴⁸ Československo-sovětské vztahy..., d. 1, s. 203.

⁴⁹ Dokumenty z historie československé politiky, sv. I, s. 242.

воинских частей на территории СССР⁵⁰. Но ни Москва, ни Лондон пока не давали Бенешу никаких обещаний относительно будущих границ Чехословакии. А Бенеш добивался именно этого. Вопрос о ПР был использован им, думается, как одно из средств давления на английское и советское правительства для принятия ими нужных Бенешу решений. Англичанам было известно, в том числе и от него самого, о возможности отказа Чехословакии от ПР в будущем в пользу СССР. Им было это, как уже говорилось выше, не по душе. Согласие на восстановление после войны ЧСР в домюнхенских границах давало возможность воспрепятствовать СССР выходу за Карпаты. В разговоре со Смутным 18 июля 1941 г. Бенеш, говоря об англичанах, сказал: “Что касается Подкарпатской Руси, то с щепетильностью уже покончено, наоборот, они бы нам ее сегодня спихнули, чтобы она не досталась русским”⁵¹.

Бенешу была хорошо известна и заинтересованность СССР в Подкарпатской Руси, хотя и не выражаемая открыто. На новой встрече с Майским 28 августа 1941 г. Бенеш снова поднял вопрос о ПР и попытался выяснить, хочет ли СССР после войны быть соседом Чехословакии. Майский, согласно записи Бенеша об этой беседе, ответил утвердительно, хотя сказал, что детали этого в Москве пока не проработаны и не продуманы. Очередная попытка Бенеша выяснить советскую позицию по вопросу о будущем Закарпатья имела место в октябре 1941 г. В беседе с советским послом при союзных правительствах в Лондоне А.Е. Богомоловым он вновь изложил свою точку зрения на этот счет: “Бенеш готов дать словакам автономию, а Закарпатскую Русь отдать нам, чтобы иметь с нами общую границу, – сообщил Богомолов в Москву. – Не доверяя Польше и разочаровавшись в ослабшей Франции, он готов нам уступить Карпатскую Русь, чтобы опереться на нас против соседей”. Посол привел и заключительные слова президента: “Ни полякам, ни венграм я не отдал бы Закарпатской Руси, а вам отдам”⁵². К этому следовало бы добавить, что Бенеш соглашался “отдать” СССР Закарпатья только после восстановления ЧСР в домюнхенских границах, т.е. после войны, и только на законных основаниях. В январе 1942 г. им был составлен Меморандум по вопросу о чехословацких границах, где велась речь об их восстановлении в домюнхенском виде. Подкарпатская Русь, писал Бенеш, будет иметь в ЧСР особое, автономное положение⁵³. Однако англичане пока не торопились с публичным заявлением о ликвидации Мюнхенского соглашения и восстановлении домюнхенского статуса Чехословакии.

Но Бенеш, опытный и ловкий политик, много лет представлявший интересы небольшого европейского государства, настойчиво выстраивал линию своей внешней политики согласно формуле, выработанной им еще в конце 1930-х годов: “50% – на Запад, 50% – на Восток, а не 100% – на Запад”. 26 января 1942 г. он имел беседу с Майским, стремясь выяснить, в частности, вопрос, хотят ли русские “быть на Карпатах” и таким образом стать соседями Чехословакии, на что получил утвердительный ответ⁵⁴. С точки зрения того, как виделась позиция Бенеша в отношении ПР советскому НКВД, интересна пространная “Справка о поездке Бенеша в Москву и вопросах, которые он хочет поставить”, подготовленная для Молотова 28 апреля 1942 г. В ней, в частности, говорилось, что “общая граница с СССР, по Бенешу, является предпосылкой безопасности будущей Чехословакии”, а относительно “присоединения к Советскому Союзу Карпатской Украины” утверждалось: «Бенеш заявил Богомолову, что, “желая, чтобы украинский вопрос исчез окончательно, он хотел бы передать СССР Карпатскую Украину, чтобы быть уверенным в том, что никакие происки чужих держав не могли бы использовать украинцев в своих целях”». В справке говорилось о целесообразности приезда Бенеша в СССР и о том, что одним из возможных результатов переговоров с

⁵⁰ Советско-чехословацкие отношения..., с. 14.

⁵¹ Československo-sovětské vztahy..., d. 1, s. 213–214.

⁵² АВП РФ, ф. 07, оп. 5, п. 15, д. 198, л. 1.

⁵³ Češi a sudetoněmecká otázka..., s. 144.

⁵⁴ Československo-sovětské vztahy..., d. 1, s. 285.

ним могло бы стать *секретное соглашение* (выделено. – В.М.), которое, помимо прочего, включало бы “одностороннее заявление Чехословакии о ее желании присоединения Карпатской Украины к Советскому Союзу”⁵⁵. Мысль о секретном соглашении относительно Закарпатья была реализована позже, при обсуждении этого вопроса во время пребывания Бенеша в Москве в марте 1945 г.

Тогда же вопрос о возможности передачи ПР Советскому Союзу или достижении с ним договоренности об этом в будущем как бы “повис в воздухе”. Бенешу, видимо, пока было достаточно заявлений советских дипломатов о признании ЧСР в домюнхенских границах⁵⁶. Вопрос о ПР не поднимался и на встрече Молотова с Бенешем 9 июня 1942 г. в Лондоне⁵⁷, куда советский нарком прилетал для подписания советско-английского договора. Молотов заявил тогда Бенешу, что “советское правительство было и остается противником Мюнхена и, конечно, хотело бы видеть Чехословакию восстановленной со всеми ее территориями, которые были отняты у нее Гитлером”⁵⁸. Бенеш был, несомненно, удовлетворен заявлениями Москвы о восстановлении Чехословакии в ее домюнхенских границах и не считал, видимо, пока частный вопрос о ПР актуальным⁵⁹.

Но он прекрасно понимал, что раньше или позже Чехословакии придется отказаться от ПР в пользу Советского Союза. И естественно было предположить, что, отойдя к СССР, эта область будет присоединена к Украинской ССР. Желая выйти из сложившейся ситуации с как можно меньшими моральными потерями для страны и для себя лично, Бенеш как бы упреждал события, делал первый шаг навстречу неизбежному. И здесь сразу же возникал вопрос о том, кем считать, как называть жителей Подкарпатской Руси. До сих пор в чехословацких документах периода войны они именовались чаще всего “карпато-русины”. Так называл их и Бенеш. Теперь же следовало в соответствии с предпологаемым включением ПР в состав УССР педалировать идею исторической связи этой области с Украиной, украинских корней подкарпатского населения. И Бенеш делал это. В чехословацком Государственном совете, своеобразном парламенте в эмиграции, созданном при президенте в качестве консультативного органа, ПР тогда представлял упомянутый выше П. Цибере, отвергавший принадлежность жителей Подкарпатья к украинскому народу, считавший себя представителем русинов, а их – частью русского народа, и ратовавший за объединение ПР с Россией. Теперь в Государственном совете должен был быть найден противовес Цибере. В инструкции Бенеша Фирлингеру от 7 мая 1942 г. говорилось: «Я думаю назначить еще одного подкарпаторусина в Государственный совет. Цибере – ориентации великорусской, второй член должен бы быть “местной” ориентации – невеликорусской. Это может быть представитель левицы»⁶⁰. В 1942 г. в Госсовет был введен находившийся в Лондоне коммунист-украинец И. Петрушак, публицист, в прошлом секретарь краевого комитета коммунистических “красных профсоюзов” и редактор нескольких газет. В Лондоне он выпускал бюллетень “Карпати кличуть”, который информировал британскую общественность о Подкарпатской Руси. Позднее он организовал “Подкарпатский клуб”, имевший свыше ста членов и приглашавший на свои заседания видных культурных и политических деятелей, преимущественно из числа чехословацкой эмиграции⁶¹.

Председатель Госсовета П. Макса в беседе с советским дипломатом В.А. Вальковым 9 апреля 1943 г. заявил: “Мы считаем, что Карпатская Русь, населенная преимущественно украинцами, граничащая с Украинской республикой, должна иметь

⁵⁵ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 25, д. 274, л. 5–6.

⁵⁶ Československo-Polská jednání o konfederaci 1939–1944, kn. 2. Praha, 1994, s. 251.

⁵⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 5, д. 48, л. 14–15; Československo-sovětské vztahy..., d. 1, s. 348–351.

⁵⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 5, д. 48, л. 14–15.

⁵⁹ Dokumenty z historie československé politiky, sv. I, s. 274.

⁶⁰ Československo-sovětské vztahy..., d. 1, s. 324.

⁶¹ Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001, с. 301.

бóльшие общности в языке, в культуре с украинцами, и должны быть тоже предоставлены все возможности для развития русского языка, культуры как среди русских, так и среди других элементов, в том числе и среди украинцев этой Карпатской Руси. Исходя из этого, мы ввели недавно в состав Госсовета Петрушака, украинца, коммуниста, рабочего, очень умного интеллигентного человека”⁶². Советские “компетентные органы”, согласно сообщению Фирлингера в Лондон 9 сентября 1942 г., тоже считали находившихся в СССР подкарпаторусин, “если они не являлись по национальности немцами, евреями и т.д.”, украинцами, “с точки зрения этих компетентных инстанций народным или национальным языком Подкарпатской Руси является, таким образом, украинский язык”⁶³.

В 1942 г. советскими и чехословацкими дипломатами и военными активно обсуждался вопрос о судьбе жителей Закарпатья, оказавшихся в 1939–1941 гг. по той или иной причине на территории Советского Союза. Вопрос этот возник еще осенью 1941 г. в связи с формированием чехословацкой воинской части в СССР. Тогда речь шла вообще о чехословацких гражданах, которых оказалось много в лагерях для интернированных НКВД. Большинство содержащихся в заключении обвинялось в нелегальном переходе границы СССР после инкорпорации Венгрией Подкарпатской Руси в марте 1939 г.⁶⁴ Но освобождать карпато-русин – так они по-прежнему именовались в чехословацких и советских документах – НКВД пока не спешил, мотивируя это тем, что они являются гражданами вражеской Венгрии. Чехословацкая же сторона считала жителей ПР подданными ЧСР⁶⁵. В конце концов, вопрос был решен, и 1 апреля 1942 г. Фирлингер получил сообщение НКВД, что “жители Закарпатской Руси будут рассматриваться как чехословацкие граждане и на них будет распространено решение об освобождении. Соответствующие указания компетентным органам уже даны”⁶⁶. Но “компетентные органы” по-прежнему не торопились их выполнять. И только в конце ноября – начале декабря 1942 г. стало ясно, что вопрос об интернированных жителях Закарпатья окончательно решен всеми инстанциями СССР. Согласно советским подсчетам, их оказалось значительно меньше, чем утверждала чехословацкая сторона. Фирлингеру было сообщено, что “число всех подкарпато-русин не превышает 3000, большинство которых годны к воинской службе и будут направлены для зачисления в бригаду в Бузулук”⁶⁷. Они и составили ядро 1-й чехословацкой бригады в СССР, в которой после сформирования насчитывалось 2210 карпато-русин, 563 чеха и 348 словаков⁶⁸.

В 1943 г. на первое место в советско-чехословацких отношениях вышла проблема заключения союзного советско-чехословацкого договора. Будущее Подкарпатской Руси оставалось как бы на ее периферии до приезда Бенеша в СССР в декабре 1943 г. Президент не поднимал этой темы, поскольку, как уже говорилось, полагал, что с признанием Советским Союзом домюнхенских границ Чехословакии этот вопрос до конца войны снимается с повестки дня. К тому же он не видел со стороны Москвы никакой

⁶² АВП РФ, ф. 07, оп. 4, п. 31, д. 43, л. 23.

⁶³ Československo-sovětské vztahy..., d. 1, s. 391.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 25, д. 273, л. 1–2.

⁶⁵ Согласно данным чехословацкого полпредства в СССР, карпато-русины были разбросаны по 22 лагерям, находившимся в Коми АССР, Архангельской, Свердловской, Горьковской, Красноярской областях, районах Владивостока и Златоуста. По сведениям чехословацкого военного атташе Г. Пики, на март 1942 г. “в лагерях НКВД содержится не менее 13 тысяч русин”. (АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 25, д. 277, л. 28–31, 41–43). Позднее цифры 10, 12, 13, 15, 20 тыс. не раз фигурировали в документах чехословацкой стороны, передаваемых советским властям. Эти данные, которые нельзя считать достоверными, были составлены на основании опроса тех, кто освобождался из лагерей и прибывал в Бузулук, где формировалась чехословацкая воинская часть.

⁶⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 25, д. 77, л. 48.

⁶⁷ Československo-sovětské vztahy..., d. 1, s. 416.

⁶⁸ Ididem.

реакции на свои предложения о возможности включения ПР в состав СССР в будущем. Эта кажущаяся незаинтересованность Бенеша в данном вопросе была подмечена и в справке “Советско-чехословацкие отношения в 1941–1943 гг.” от 1 июля 1943 г., подготовленной в НКВД, видимо, в связи с предполагаемым вскоре приездом Бенеша в СССР. Бенеш, говорилось в справке, “многократно заявлял о желании чехословацкого правительства иметь общую границу с СССР, имея при этом в виду даже возможность передачи Закарпатской Украины Советскому Союзу. Однако после заверения т. Молотова 10.VI.42 о том, что СССР желает видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах, Бенеш более ни разу даже не намекал на эту возможность”. Изменение позиции Бенеша в вопросе о Закарпатской Украине – этот термин с тех пор стал преобладающим в советских документах – объяснялось в справке тем, что к этому времени Бенешу “удалось добиться отчасти при помощи СССР ряда внешнеполитических успехов, после чего он решил прекратить свои далекоидущие заискивания перед нами”⁶⁹. Дело же было, как представляется, в том, что Бенеш считал для себя вопрос на данный момент выясненным и постановку его несвоевременной, как, впрочем, и Москва. Об этом свидетельствует, в частности, беседа советского посланника при эмигрантских правительствах в Лондоне А.Е. Богомоллова с чехословацким министром и членом Госсовета Э. Оутратой 23 мая 1943 г., который заявил: “В теперешних условиях все уверены, что карпаторуссы вернутся к своей матери – России”. “Последнее замечание Оутраты, – записал в дневнике Богомоллов, – я выслушал молча, так как мне хорошо известно, что Бенеш высказывал неоднократно свои намерения отдать нам Прикарпатскую Русь, но мы никак не реагировали на такие предложения, по-видимому, считая их не вполне своевременными (выделено мной. – В.М.). За последнее время Бенеш не упоминал больше о Прикарпатской Руси. Думаю, что в период окончательного устройства Чехословакии он постарается вернуть нам Прикарпатскую Русь, кое-что выторговав в пользу самой Чехословакии за счет Венгрии, Германии или Австрии”⁷⁰. И тут Богомоллов был прав. Бенеш был реалистом в политике и мастером политического торга, чутко угадывавшим намерения партнера (или противника) по игре и стремившимся извлечь из этого пользу для себя, для своей страны. В вопросе о будущем ПР он исходил из убеждения, изложенного им в разговоре с министром польского эмигрантского правительства Я. Станьчиком 12 ноября 1943 г., т.е. за несколько дней до своего отлета в СССР с целью заключения с ним союзнического договора: “Скажу Вам, чего хотят русские: окончательно решить *украинский вопрос* (выделено мной. – В.М.). Без этого они войну не окончат и действуют в соответствии с этим”⁷¹.

С пониманием этого Бенеш и отправился самолетом в конце ноября 1943 г. в Москву, на пути к которой из-за непогоды примерно на неделю задержался на английской военной базе Хабанья под Тегераном. Здесь президента встречали заместитель наркома иностранных дел СССР А.Е. Корнейчук (украинский писатель и общественный деятель), курирующий ареал Центральной Европы, З. Фирлингер и Г. Пика. Во время четырех длительных бесед с Корнейчуком Бенеш предварительно обсудил те вопросы, по которым он намеревался договориться с советским руководством. Среди прочих под № 6 значилось: “Информация о будущем режиме ЧСР. – Будущий режим в Подкарпатской Руси”. Из этой формулировки явствовало, что президент рассматривал ПР как составную часть восстановленной Чехословакии. В записях Смутного о разговоре Бенеша с Корнейчуком по вопросу о Подкарпатской Руси значится, что президент говорил следующее: “Я (Бенеш. – В.М.) сказал ему, что мы, естественно, настаиваем на том, чтобы Подкарпатская Русь осталась в Чехословакии, но чтобы в культурном отношении полностью ориентировалась на Украину”. Затем Бенеш объяснил Смутному, почему он придерживается такой политики: “Мы должны предвидеть, как будут развиваться отношения. Украина со своим сорокаmillionным населением – уже поч-

⁶⁹ АВП РФ, ф. 07, оп. 4, п. 31, д. 43, л. 7.

⁷⁰ Там же, ф. 06, оп. 5, п. 33, д. 397.

⁷¹ Československo-Polská jednání..., kn. 4. Praha, 1994, s. 530.

ти самостоятельна и пойдет дальше тем же путем. Не будем же мы на Подкарпатской Руси возвращать нечто такое, что принесло бы нам только хлопоты. Это касается русского языка... или каких-либо планов относительно “местного языка”. Не будем же мы бросать на это деньги, когда по соседству будет литература и культурная среда сорокаmillionного народа. Это – глупости. Этим моим планом Корнейчук был все же удивлен (очевидно, приятно удивлен. – *В.М.*), ничего такого он, украинец, не ожидал. И если бы когда-нибудь они (СССР. – *В.М.*) захотели ее (ПР. – *В.М.*) забрать себе, то нам возместили бы то, что мы вложили в Подкарпатскую Русь, и дело будет сделано. Когда мы станем соседями России, мы не будем уже заинтересованы в том, чтобы имели соседями румын”⁷².

12 декабря в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией⁷³. Состоялось несколько встреч Бенеша с Молотовым и Сталиным. 16 декабря во время второй беседы Бенеша с Молотовым был поднят и вопрос о Подкарпатской Руси. Сейчас известны и советская, и чехословацкая записи этой беседы. Их сравнение показало, что по сути они отличаются мало, хотя определенные нюансы имеются. Бросается в глаза то, что в обеих уже не говорится о Подкарпатской Руси, а употребляется термин Закарпатская Украина. В советской записи беседы под пунктом № 10 “О будущем государственном устройстве Чехословакии” значится: “Говоря о Закарпатской Украине, Бенеш заметил, что их прежняя политика там имела ошибки. Теперь они хотят максимального развития русской и украинской культуры. Сохраняя Закарпатскую Украину в составе Чехословакии, Бенеш надеется сплотить ее со всей страной на базе славянской культуры”⁷⁴. Чехословацкая запись, сделанная Смутным, более пространна и дает больше информации о позициях сторон: «**Бенеш:** Что касается Закарпатской Украины (президент тут явно перешел на советскую терминологию. – *В.М.*), мы, в республике, поступали не очень разумно. Там – старый вопрос, борьба между элементом русским и украинским. Эти споры разжигались в Австро-Венгрии, одни натравливались на других. Я думаю, что после этой войны на Закарпатской Украине следует приспособиться в отношении школ, языка к тому, что имеется по другую сторону границы (имеется в виду прежде всего Советская Украина. – *В.М.*). Венгры хотели создать еще один славянский народ, “из местных” (имеются в виду русины. – *В.М.*), я выступаю против этого. Мы должны в славянских вопросах идти к “соединению”, а не дробить. **Молотов:** Хорошо»⁷⁵.

В подготовленном чехословацкой стороной, но не подписанном проекте заключительного коммюнике о результатах переговоров Бенеша в Москве говорилось, что “Чехословакия в международном плане признается национальным чехословацким государством, то есть государством чехов и словаков, к которому присоединена Закарпатская Украина с особым автономным режимом”⁷⁶. Во время беседы Бенеша со Сталиным 18 декабря 1943 г., записанной Фирлингером, советский руководитель задал вопрос относительно ПР и “с удовлетворением” принял к сведению, что “мы считаем ее население украинцами. Президент повторил свою точку зрения, что в культурном отношении следует приспособить Подкарпатскую Русь к остальной Украине”⁷⁷. Таким образом, советское руководство пока устраивала своего рода промежуточная позиция Бенеша в отношении ПР, свидетельствующая о его намерениях не противиться в будущем, после войны, возможному присоединению этой области к СССР (Украине). Обе стороны, думается, понимали, что именно так и произойдет, но предпочитали в данный момент не ставить точку над “i”. Реплика Молотова “хорошо” в ответ на изложенные Бенешем представления о будущем ПР означала лишь, что Москва пока

⁷² Československo-sovětské vztahy..., d. 2. Praha, 1999, s. 111, 113.

⁷³ Советско-чехословацкие отношения..., с. 132–135.

⁷⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 33, д. 401, л. 18.

⁷⁵ Československo-sovětské vztahy..., d. 2, s. 157.

⁷⁶ Ibid., s. 171–172.

⁷⁷ Ibid., s. 179.

еще не готова была ставить этот вопрос в практическую плоскость. 24 января 1944 г. государственный министр по иностранным делам МИД чехословацкого эмигрантского правительства Г. Рипка отправил циркулярную депешу чехословацким дипломатическим представителям о результатах переговоров Бенеша в Москве, в которой наряду с прочим говорилось: “Подчеркиваю, что с советской стороны не предъявляется никаких претензий на Подкарпатскую Русь. Советское правительство считает ее частью ЧСР”⁷⁸. Весной 1944 г. все чехословацкие политики, в том числе и коммунисты, например К. Готвальд, В. Копецкий, в своих выступлениях и статьях говорили о будущей Чехословакии как о государстве трех славянских народов: чехов, словаков и подкарпатских украинцев⁷⁹.

Вместе с тем Бенеш, несомненно, понимал, что рано или поздно ПР отойдет к СССР. Об этом, в частности, свидетельствует разговор президента со своим биографом К. Макензи весной 1944 г., которому он заявил: “Если подкарпатские русины решат присоединиться к Советской Украине, то мы не будем этому препятствовать. Мы будем настаивать только на том, чтобы это делалось с нашего согласия... На протяжении двадцати лет мы считали вопрос о Подкарпатской Руси временным, конечное же его решение не может быть иным, как только слияние с Советским Союзом”⁸⁰.

Осенью 1944 г. Красная Армия начала освобождение Закарпатья. Здесь под руководством коммунистов и при поддержке советских военных властей развернулось движение за присоединение края к СССР (УССР). С таким требованием выступила работавшая под руководством коммунистов Народная рада Закарпатской Украины. Чехословацкая правительственная делегация во главе с Ф. Немецем, прибывшая из Лондона для налаживания мирной жизни на территории ПР, оказалась в изоляции. Советское руководство рассматривало развернувшееся в Закарпатье движение как исторически и национально обоснованное. 29 июня 1945 г. в Москве был подписан Договор между СССР и ЧСР о Закарпатской Украине. Согласно его первой статье Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) воссоединялась в соответствии с желанием ее населения со своей “издавней родиной – Украиной” и включалась в состав УССР⁸¹. О правильности термина “воссоединение” до сего времени ведут споры не только политики, но и ученые.

⁷⁸ Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1965, s. 141.

⁷⁹ Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu, sv. I-1. Praha, 1965, s. 79, 85, 106, 107, 130.

⁸⁰ Цит. по: *Пон И.И.* Чехословакия – Советский Союз. 1941–1948 гг. М., 1990, с. 153.

⁸¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений, т. 5. М., 1988, с. 78–79.